

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИСКУРСИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ

Баркович Александр Аркадьевич

канд. филол. наук, доц.

Белорусский государственный университет

Актуальность интерпретации и репрезентации многоуровневой семантики дискурса обусловлена динамичным развитием сферы коммуникации. Использование интердисциплинарных возможностей современной науки позволяет создавать дискурсивные модели коммуникации, в том числе, в контексте социолингвистической парадигматики. Референтными моделями могут описываться как частные коммуникационные ситуации на метаязыковом уровне, так и широкий круг коммуникационной проблематики на металингвистическом уровне.

Ключевые слова: моделирование; методология; парадигма; коммуникация; дискурс; социолингвистика; метаязык.

Вопросы моделирования коммуникации традиционно привлекают внимание исследователей. Возможности компьютерной обработки текстов сделали подобные вопросы чрезвычайно актуальными и востребованными: формализация речевой практики в обеспеченной компьютерными средствами сфере коммуникации требует корректной многоуровневой репрезентации референтной семантики. При этом первичный уровень кодирования компьютерного дискурса – бинарная статистическая модель, и любая индискретность тут просто невозможна в принципе [Gabor 1952]. Важной проблематикой в этой связи, безусловно, является создание корректных метаописаний более высокого уровня – метаязыковых и металингвистических [Баркович 2015]. Последовательная реализация подобной исследовательской стратегии делает реальными возможности репрезентации существенных характеристик коммуникации, моделирование не только текстовой, но и контекстной семантики коммуникации.

Приоритет в теоретическом обосновании данного подхода принадлежит Марвину Минскому – автору „теории фреймов“ [Minsky 1997]. Его концепция, предопределившая вектор дальнейших поисков, создала своеобразный формат интердисциплинарной практики – поиск „универсальной“ модели коммуникации. О создании подобной модели по-прежнему сложно рассуждать предметно, но, возможно, наиболее перспективными здесь оказываются исследования в дискурсивном контексте: „Функциональность современной речевой практики целесообразно рассматривать в аспекте дискурсивности по многим причинам. При всей дискуссионности дискурсивной методологии ее содержание объективно отражает важнейшую феноменологическую черту языка: взаимосвязь языковой системы и речевой практики. **Дискурс** как речевая деятельность, развернутая во времени и пространстве, обусловлена широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой“ [Баркович 2015, 37]. Реализация возможностей

первичного моделирования коммуникации, создание ряда „простых” моделей позволяет перейти к формированию модели обобщенного типа – *дискурсивной гипермодели*. Какова же парадигматическая база и феноменологические ориентиры референтной практики метаописаний?

В контексте продуктивной, хотя и зачастую противоречивой практики метаязыкового описания коммуникации ее значимость для интерпретации и презентации семантики текста, пожалуй, неоспорима [Баркович 2015]. Наверно, любые, даже не всегда удачные попытки найти формат, „фрейм” (англ. *frame* – ‘рамка’), для описания частных случаев реализации тех или иных дискурсивных отношений вполне могут быть проанализированы на этапе **метаописания** модели более высокого уровня. Именно при первичной структуризации коммуникации могут быть идентифицированы характерные особенности репрезентации семантики. При их обобщении, выявлении прототипического и существенного содержания, реальной оказывается задача агрегирования „гипермодели”.

Дискурсивная парадигма предоставляет собой эффективный инструментарий для разного рода исследований гуманитарного профиля. Одним из важнейших векторов новейшей общегуманитарной парадигматики является разработка интердисциплинарной проблематики, и совсем не случайно поиски универсального формата дискурсивных исследований ведутся на стыке лингвистики и социологии. Рассмотрение проблемной области современной коммуникации в **социолингвистическом** контексте – результативно, как показывает практика: „... именно дискурс может быть признан тем решающим идентификационным маркером, который повышает шансы сделать академические исследования понятными или доступными людям, которые не работают в сфере социологии” [Baker, McEnergy 2015, 4]. Но при всей синкретичности научного сопровождения коммуникационной практики, несомненно, приоритетной в данном контексте является лингвистическая *методология*.

Рассмотрим особенности репрезентации **дискурсивных** отношений на примере создания частных моделей. Показательным является, например, развитие метаописаний такого популярного, но сложного социокультурного феномена, как *игра*. При всей психологической обусловленности *игра* представляет собой коммуникационно, а, следовательно, и дискурсивно релевантную социальную практику, „один из важнейших феноменов человеческого существования” [Философский энциклопедический словарь 1983]. При этом, любая дискурсивно обусловленная социальная практика характеризуется не только стереотипными социальными обстоятельствами, релевантность „игровой” практики сфере коммуникации предопределяет ее динамику и существенную функциональную специфику: создание ситуаций, персонажей, обстоятельств и т. д. Рассмотрение подобной специфики само по себе может быть продуктивным, позволяя дифференцировать идентичность современной «игровой» коммуникации: например, в рамках компьютерно-опосредованного дискурса вполне может быть выделен новый тип дискурса – *компьютерно-игровой* [Часовский 2012 и др.].

Создание первичных метаописаний *игры*, как правило, сопровождается детализацией той или иной частной практики, но оставляет вне рамок исследования сущностные дискурсивные черты коммуникации. Примером подобного „специализированного” подхода в рамках дискурсивной парадигмы может быть признана следующая модель:

- 1) цель игры (*purpose or raison d'être*);
 - 2) порядок действий и процедур (*procedures for action*);
 - 3) правила, принципы и стандарты поведения (*rules governing action*);
 - 4) количество необходимых участников, *status quo* (*number of required players*);
 - 5) роли участников, их функции и статус (*roles of participant*);
 - 6) условия окончания игры (*results or pay-off*);
 - 7) образцы взаимодействия участников (*participant interaction patterns*)
- [Avedon 1981, 14].

Явная ориентация данной модели на известные командные виды спорта, возможно, *футбол*, *волейбол*, *баскетбол* и др. обусловила как отдельные достоинства данной схемы, так и ее некоторую ограниченность, оставившую за рамками „фрейма” понятийно-концептуальную семантику *игры* в широком смысле слова. Так, толковые словари фиксируют множество узуально-типичных семантических реализаций лексемы *игра* [см., например, Ефремова 2000]. Очевидно, что в рассматриваемой ситуации речь может идти об успешном создании **метаязыкового** образа не столько *игры*, как таковой, сколько о моделировании, например *командной игры*. При этом, автор данной модели предвидел недостатки подобной „комбинации математического и бихевиористского подходов”, справедливо отмечая, что стратегии такого рода недостаточно результативны при метаописании структуры базового понятия. Впрочем, хотя автору данной схемы, Э. Эвдону, были очевидны недостатки представленной модели, продолжение размышлений оказалось не очень результативным. Так, было предложено назвать более объективную схему *лингвистической, синтаксической* и добавить *синтаксиса*:

- 1) цель игры (*purpose of the game; aim or goal, intent, the raison d'être*);
- 2) порядок действий и процедур (*procedure for action; specific operations, required courses of action, method of play*);
- 3) правила, принципы и стандарты поведения (*rules governing action; fixed principles that determine conduct and standards for behavior*);
- 4) количество необходимых участников, *status quo* (*number of required participants; stated minimum or maximum number of persons needed for action to take place*);
- 5) роли участников, функции и статус (*roles of participants; indicated functions and status*);
- 6) условия окончания (*results or pay-off; values assigned to the outcome of the action*);
- 7) умения и навыки (*abilities and skills required for action; aspects of the three behavioral domains utilized in a given activity*);

- 8) образцы взаимодействия (*interaction patterns*);
- 9) физические установки и требования среды (*physical setting and environmental requirements*);
- 10) необходимое оборудование (*required equipment*) [Avedon 1981, 14].

Функции „лингвистики” здесь, видимо, выполнили добавленные во втором варианте пункты 7, 9 и 10. Вместе с тем, появившиеся в схеме элементы, носят, скорее, декларативный характер. Можно отметить, что без надежного методологического базиса искусственная „лингвистичность” и феноменологическая эклектичность представленных вариантов „игровой” модели не решили задач адекватной репрезентации коммуникации. Так, при всем стремлении Э. Эвдона выйти за рамки социальной специфики представленной модели, лингвистическая („синтаксическая”) составляющая подхода осталась нереализованной, не позволяя преодолеть экстралингвистический „барьер”.

Хотя попытка систематизации характерных особенностей того или иного дискурса с лингвистических позиций более чем обоснована, на данном примере можно убедиться в несовершенстве „независимой” от базовой методологии попытки метаязыкового моделирования. При этом неидентифицированными остались существенные элементы „игровой” семантики, в первую очередь, речевые. Кроме того, автор не дифференцировал ни *объективные / субъективные*, ни *стратегические / тактические* свойства игрового дискурса коммуникации. С презентации таких оппозиций, безусловно, целесообразно было бы начать моделирование данного типа [Баркович 2015].

Уже при выяснении **объективно / субъективно** релевантных обстоятельств коммуникации, между тем, оказывается сложно проигнорировать важную роль собственно языкового оформления ситуаций и поведенческих стратегий, соотносящих понимание *модели* „с ролью личных представлений о реальных или абстрактных ситуациях в процессе порождения или понимания речи” [Дейк ван 1989, 68]. Неслучайно Т. ван Дейк обратил внимание на субъективно-релевантное содержание **ситуационной модели** как „формы представления личного опыта”, релевантной для „интерпретации дискурса” [Дейк ван 1989, 78]. Ситуация, «дениотат текста», здесь – „сложное сплетение” предметов или людей, их свойств и отношений, событий или действий как определенный фрагмент действительности [Дейк ван 1989, 69]. Однако детализация коммуникационной реальности не заслонила от Т. ван Дейка обобщенного лингвистического значения референтного дискурса, позволяя создавать полноценные метаязыковые описания.

Ван Дейк, разумеется, не мог проигнорировать когнитивный коррелят ситуации: „... что происходит в уме человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит или читает о ней”, – ясно осознавая при этом недостатки такого моделирования: типичную фрагментарность и неполноту когнитивных моделей, а, также, их «личностность, то есть субъективность» [Дейк ван 1989, 82]. Описания *субботних покупок* у Т. ван Дейка – как и *комнаты* у М. Минского – в разумной мере схематичны: „... мы не дали подробной

характеристики стратегическим процессам формирования, преобразования и использования моделей” [Дейк ван 1989, 74]. Тем не менее, не сделав следующий шаг – к **металингвистическому** описанию полученных результатов, – Т. ван Дейк не смог четко дифференцировать *эпизодическую, ситуационную и когнитивную модели*, которые по очереди и в разной последовательности послужили обозначениями разнотипных когнитивных структур в его исследовании.

Значительно более аргументированной у Т. ван Дейка получилась попытка охарактеризовать **контекстную модель**: „Контекстные модели, по определению, носят частный характер: они являются моделями данной специфической коммуникативной ситуации... Поскольку определённый дискурс составляет часть коммуникативного контекста, мы можем предположить, что репрезентация текста является частью контекстной модели. На самом деле, в некоторых случаях мы можем вспомнить не только то, что было сказано (то есть базу текста), но и то, когда, кем и как это было сказано” [Дейк ван 1989, 95]. Тем не менее, исследователь „то, что было сказано (т. е. базу текста)” неожиданно относит к *ситуационной модели* коммуникации, а „то, когда, кем и как это было сказано” – к *контекстной модели*; тут же *дискурс* объявляется „неотъемлемой частью *контекста*” [Дейк ван 1989, 96].

На этот счет можно предложить несколько соображений. Во-первых, *дискурс* является более широким понятием, чем *контекст*, включая в себя, в простейшем представлении, и *текст* [Баркович 2015, 26]. Во-вторых, как раз *контекстная модель* должна содержать и интра-, и экстралингвистические обстоятельства функционирования текста. В-третьих, то, что Т. ван Дейк называет „*ситуационной моделью*” – целесообразно было бы определить всё-таки – с лингвистической точки зрения – как **семантическую модель**. Именно понятийные рамки *семантической модели* позволяют целенаправленно описывать содержание текста, его элементов, смысловые связи между ними и их иерархию.

Подход Т. ван Дейка к дискурсивному моделированию коммуникации отчетливо перекликается с идеями Ф. Н. Джонсона-Лэрда, в частности, при описании последним **ментальной модели**. Феноменологическая сущность *ментальной модели* Ф. Н. Джонсоном-Лэрдом была представлена следующим образом: „Модель [ментальная] представляет положение *вещей* и, соответственно, ее структура не произвольная, напоминая структуру пропозициональной презентации, а играет роль *непосредственного* отображения или аналогии. Её структура содержит существенные аспекты соответствующей ситуации реального мира” [Johnson-Laird 1980, 98]. В Джонсоне-Лэрде ван Дейк видел единомышленника в интерпретации семантики сверхтекстовых единств – теперь они часто называются **гипертекстовыми**: „И для ментальных моделей, и для ситуационных моделей важно то, что они отличаются от семантической подачи предложения или текста” [Дейк ван 1989, 78]. Сегодня очевидно, что *ментальная модель* в понимании Джонсона-Лэрда – метафора, на самом деле, она не описывает сознательную деятельность по интерпретации человеком семантики коммуникации, в общих

чертах, похожа на так называемую *ситуационную модель* Т. ван Дейка. Тем не менее, благодаря социолингвистической корректности данные экспликации метаязыковой специфики дискурса стали значимыми событиями в практике дискурсивного моделирования.

Взгляды Т. ван Дейка, при некоторой противоречивости его попыток моделирования коммуникации, заслуживают признания за „общую гипотезу” семантической интерпретации текста с помощью специфических моделей, способных „играть важную роль в таких действиях, как формулирование выводов, создание образов, припоминание и узнавание” [Дейк ван 1989, 79]. Социолингвистическая релевантность *ситуационных моделей*, – или, если пользоваться более корректным термином Т. ван Дейка, *эпизодических моделей* – подтверждается соответствующей исследовательской практикой.

Не менее существенными являются выводы Т. ван Дейка об *активной* роли дискурса в формировании социальной ситуации, „существенных изменений в социальных отношениях и социальных ситуациях” [Дейк ван 1989, 96]. Пример рассмотрения возможностей социолингвистического моделирования юридического дискурса не оставляет сомнений в парадигматической корректности сделанных обобщений: „Судебное разбирательство, например, в значительной степени состоит из обусловленных ситуацией речевых действий, таких, как обвинение (обвинительные заключения), иски, показания, допросы и предложения, которые в своей совокупности могут иметь важные социальные последствия” [Там же].

Итак, анализ частных коммуникационных ситуаций подразумевает, прежде всего, корректное представление сущностных характеристик той или иной коммуникационной ситуации в социолингвистической системе координат. Подобная исследовательская стратегия позволяет, в свою очередь, объективно идентифицировать искомые элементы модели, релевантные той или иной коммуникационной ситуации. Например, Д. Дж. и Дж. Д. Беннетты составили список таких элементов, *компонентов* или *измерений* любой ситуации (англ. – *scene*), разделив их на две группы и отметив приоритет первых трёх показателей:

- 1) контейнер – стабильная внешняя оболочка человеческого взаимодействия;
- 2) реквизит – физические объекты, которые сопровождают человека в ограниченном пространстве, или сами являются ограничениями, в том числе, *одежду* и *мебель*;
- 3) актёры – лица, которые непосредственно действуют, находятся на втором плане, являются свидетелями действий, которые происходят в ограниченном пространстве.
- 4) модификаторы – элементы *света*, *звука*, *цвета*, *текстуры*, *аромата*, *температуры* и *влажности*, которые воздействуют на эмоциональный тон или настроение взаимодействия;
- 5) продолжительность – объективное время в сопоставимых единицах (*минутах*, *часах* и т. д.), в течение которого происходит взаимодействие, а также планируемая продолжительность, необходимая для взаимодействия;

6) прогрессия – последовательность событий, которые предшествуют или происходят или ожидаются в будущем в связи с взаимодействием и могут повлиять на него [Bennett, Bennett 1981, 20].

В метаязыковой интерпретации *приложений ситуационного анализа* специалистов из Оксфордского университета М. Эрджайла, Э. Фарнхэма и Дж. Э. Грэхэма – семь параметров: структура цели; репертуар; правила; роли; набор элементов и оборудование среды; концепты; последовательность [Argyle, Furnham, Graham 1981, 377].

Безусловно, полезной следует признать оппозиционную модель «аспектов» *ситуации* известного исследователя Л. Первина, где *аспекты* определены как:

- дружественный / недружественный (*friendly / ballasting*);
- напряжённый / уравновешенный (*tense / calm*);
- интересный / неинтересный (*interesting / dull*);
- ограниченный / свободный (*constrained / free*) [Pervin 1981, 47].

Размышая о сути и стратегии „измерений, которые используются лицами для разъяснения ситуации”, Л. Первин обнаружил существенность измерений *субъективного* рода – „дружественный / недружественный” и „интересный / неинтересный” и *объективного* рода – „напряжённый/спокойный” и „ограниченный / свободный” [Pervin 1981, 47]. В таком ракурсе, действительно, можно наблюдать черты комплексного и дискурсивного подхода к моделированию коммуникации: „... понятия, которые составляют модель – не произвольны, они отражают социально значимую интерпретацию ситуаций” [Дейк ван 1989, 95].

Итак, учет социолингвистической специфики коммуникации позволяет наметить рамки ее универсальной дискурсивной модели. Дискурс является референтной для моделирования коммуникационной субстанцией, на базе которой могут быть идентифицированы как частные модели (например, *контекстная, семантическая, оппозиционная* и др.), так и единая **дискурсивная гипермодель** коммуникации. Металингвистическое моделирование дискурса может отражать, как минимум, три метаязыковых измерения: структурное, ситуационное и речевое. В **структурном** аспекте в *дискурсивной гипермодели* существенны: состав, системность и интерактивность элементов. В **ситуационном** аспекте целесообразно выделить: текстуально-контекстуальный, интро-экстраполингвистический и стратегическо-тактический элементы. В **речевом** аспекте важны следующие элементы гипермодели: языковой, речевой и технический.

Таким образом, выявление возможностей моделирования, формализации квазитативных показателей коммуникации – задача важная, но и нетривиальная. Анализ современной коммуникации пока зачастую представляет собой фрагментарные и противоречивые метаописания. Вместе с тем, референтные модели могут описывать как частные коммуникационные ситуации на метаязыковом уровне, так и широкий круг референтной проблематики на металингвистическом уровне. Целесообразность социолингвистического подхода к интерпретации коммуникации обусловлена необходимостью единообразной трактовки

дискурсивных отношений речевой практики. Основополагающим ориентиром здесь, как показывает проведенное исследование, должна быть дискурсивная организация коммуникации. Универсальность метаязыковых обобщений в целях объективной репрезентации коммуникации может быть обеспечена интердисциплинарностью современной науки, развитием таких синкретичных парадигм, как социолингвистическая. Практика моделирования коммуникации в социолингвистическом ключе подтверждает потенциал референтного научного инструментария. При этом, лингвистическая ориентация соответствующего научного сопровождения остается его методологической доминантой, способствуя созданию выверенных метаописаний. Интерпретация и репрезентация коммуникации с помощью дискурсивных моделей в социолингвистическом ключе обладает существенным научно-практическим потенциалом.

Баркович А.А., канд. філол. наук, доц.

Білоруський державний університет

Соціолінгвістична специфіка дискурсивного моделювання комунікації

Актуальність інтерпретації і репрезентації багаторівневої семантики дискурсу зумовлена динамічним розвитком сфери комунікації. Використання міждисциплінарних можливостей сучасної науки дозволяє створювати дискурсивні моделі комунікації, в тому числі в контексті соціолінгвістичної парадигматики. Референтними моделями можуть описуватися як приватні комунікаційні ситуації на метамовному рівні, так і широке коло комунікаційної проблематики на металінгвістичному рівні.

Ключові слова: моделювання; методологія; парадигма; комунікація; дискурс; соціолінгвістика; метамова.

Barkovich A.A., Ph. D., Associate Professor

Belarusian State University

Sociolinguistic Specifics of Discursive Modeling of Communication

The relevance of interpretation and representation of the multi-level discourse semantics is due to the dynamic development of the communication sphere. The use of the interdisciplinary possibilities of modern science allows to create a discursive model of communication, included into the context of sociolinguistic paradigmatics. Referential models might be used to describe the private communicational situations on the metalanguage level as well as a wide range of communicational agenda on metalinguistic level.

Key words: modeling; methodology; paradigm; communication; discourse; sociolinguistics, metalanguage.

Література:

1. Баркович А.А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация: учебное пособие / А.А. Баркович. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 288 с.
2. Баркович А.А. Лингвоинформационная специфика компьютерно-опосредованной коммуникации: структурный аспект / А.А. Баркович // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2, Языкоznание. – 2015, № 2 (26). – С. 114-120.
3. Баркович А.А. Металінгвістична індэксацыя ў камп'ютарна-апасродкованым дыскурсе / А.А. Баркович // Беларуская лінгвістыка. – Мн. : Беларуская наука, 2015. – Вып. 74. – С. 79-87.
4. Баркович А.А. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса / А.А. Баркович // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Вып. 30. – Н. Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. – С. 38-48.

5. Баркович А.А. Функциональность диады «коммуникационный – коммуникативный»: дискурсивный аспект / А.А. Баркович // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 5 (37). – Томск : ООО «Издательство ТГУ», 2015. – С. 37–52.
6. Дейк ван Т. Эпизодические модели в обработке дискурса / Т. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ. – М. : Прогресс, 1989. – С. 68–110.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: Св. 136000 слов.ст., ок. 250000 семант. ед.: В 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. Т. 1: А–О. VII, 1213 с. Т. 2: П–Я. 1084 с.
8. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
9. Часовский П.В. Семиотика «Eastereggs», или Игровое начало в компьютерных играх / П.В.Часовский// Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск : ФГБОУ ВПО «ЧелГУ», 2012. – № 36 (290).– С. 63–66.
10. Argyle M., Furnham A., Graham J.A. Social situations / M. Argyle, A. Furnham, J.A. Graham. – New York : Cambridge University Press, 1981. – 453 p.
11. Avedon A.M. The Structural Elements of Games /A.M. Avedon // The Psychology of Social Situations: selected readings [ed. by Adrian Furnham and Michael Argyle]. – Oxford : Pergamon Press, 1981. – Psychology. – P. 11-17.
12. Baker P., McEnergy T. Introduction /P.Baker, T.McEnergy // Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora / P. Baker, T. McEnergy. – Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 1-19.
13. Bennett D.J., Bennett J.D. Making the Scene / D.J.Bennett, J.D.Bennett // The Psychology of Social Situations: selected readings [ed. by Adrian Furnham and Michael Argyle]. – Oxford : Pergamon Press, 1981. – Psychology. – P. 18-25.
14. Gabor, D. Lectures in Communication Theory / D. Gabor [Tech. Report No. 238, Research Laboratory of Electronics, M.I.T.], 1952. – 48 p.
15. Johnson-Laird P.N. Mental models in cognitive science /P.N. Johnson-Laird // Cognitive Science, 1980. – Number 4. – P. 72-115.
16. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge / M.Minsky// Mind design II. Philosophy. Psychology. Artificial Intelligence [ed. by John Haugeland]. – 2nd ed., rev. and enlarged. – Cambridge: A Bradford Book, 1997. – P. 111-142.
17. Pervin L.A. A Free-Response Description Approach to the Analysis of Person-Situation Interaction / L.A. Pervin// The Psychology of Social Situations: selected readings [ed. by Adrian Furnham and Michael Argyle]. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – Psychology. – P. 40-55.

Статья поступила в редакцию 14. 11. 2015.